

Проницательная, злободневная книга. Цитируя философов от Сунь-цзы до Макиавелли, автор выявляет значимость древних представлений о человеческой природе для становления международной политики. – *Booklist*

ПОЛИТИКА ВОИНА

ПОЧЕМУ ИСТИННЫЙ ЛИДЕР
ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ
ХАРИЗМОЙ ВАРВАРА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «МЕСТЬ ГЕОГРАФИИ»

РОБЕРТ
КАПЛАН

Роберт Каплан

**Политика воина. Почему
истинный лидер должен
обладать харизмой варвара**

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 32.001
ББК 66.0

Каплан Р. Д.

Политика воина. Почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара / Р. Д. Каплан — «Азбука-Аттикус», 2002

ISBN 978-5-389-12558-2

Опираясь на труды Сунь-цзы, Фукидида, Тита Ливия, Макиавелли, Гоббса и других великих мыслителей прошлого, известный американский публицист Роберт Каплан стремится доказать, что в мире с нестабильными государствами и неопределенным будущим внешняя политика должна основываться на «нравственности результатов». Ведущую роль в мире после окончания холодной войны автор отводит США, которым, по его мнению, следует ориентироваться на отцов-основателей Америки, веривших, что хорошее правление возможно только на основе «тонкого понимания страстей человеческих». Примером мудрого руководства государством могут также служить Рузвельт во время Второй мировой войны и особенно Черчилль, в высшей степени наделенный тем, что Каплан вслед за Макиавелли называет «предвидением беды». В поисках мудрости, применимой к современной геополитике, Каплан обращается к древним философам и полководцам. В классических трудах он находит исторические примеры и логические обоснования того, что для сохранения баланса сил необходимы военная мощь, скрытность и хитрость. Эту модель он применяет и к бизнесу, показывая, какую пользу могут извлечь из уроков прошлого сегодняшние лидеры. Проницательная полемическая работа Каплана, несомненно, станет поводом для оживленных дискуссий.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978-5-389-12558-2

© Каплан Р. Д., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Содержание	8
Предисловие	11
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Роберт Каплан

Политика воина

Почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара

Robert D. Kaplan
WARRIOR POLITICS
Why Leadership Demands a Pagan Ethos

© Robert D. Kaplan, 2002

© Бавин С., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

КоЛибри®

* * *

Задача автора – не только вдохновлять, но и волновать, и говорить о том, чего его возможная аудитория предпочла бы не слышать. Международная политика тоже нередко представляется в свете наихудших сценариев. Так что мой пессимизм и скептицизм могут быть вполне уместны. Ибо политики нового века будут проверяться не благополучными событиями на мировой арене, которым станут аплодировать гуманисты, а тяжелейшими испытаниями нового времени.

Впрочем, любая дискуссия нового века должна начинаться со старого.

Философия не менее увлекательна для дилетанта, чем для специалиста, и я надеюсь, что смогу передать свой энтузиазм по поводу тех философов, труды которых изучал. Мой выбор, разумеется, не бесспорен. Хорошо слышу голос читателя: «Если он пишет о Макиавелли, то почему не о Ницше; если Кант, то где Локк?» Поскольку в центре моего внимания международная политика, я выбрал несколько философов и писателей, которые, на мой взгляд, наиболее соответствуют моей теме и интересны в связи с ней.

Я уделяю особое внимание темным сторонам каждого события не потому, что будущее обязательно станет хуже, а потому, что все это всегда способствует кризисам в международной политике.

Роберт Каплан

Карлу Д. Брандту

*Тот, кто знает, когда атаковать, а когда выжидать, –
одержит победу. Бывают дороги, по которым не идут, армии, на
которые не нападают, крепости, которые не осаждают.
Сунь-цзы*

*Желающий узнать, что будет, должен учитывать то, что было.
Все, что происходит в этом мире в каждую эпоху, уже происходило в
древности.
Макиавелли*

Содержание

Глава 1. «Современного» мира не существует

По мере того как крутыми волнами станут накатывать будущие кризисы, американским лидерам придется понять, что в мире нет таких понятий, как «модерн» или «постмодерн»; наш мир – лишь продолжение «древности». И этот мир, несмотря на всего его новшества, очень хорошо могли бы понять выдающиеся китайские, греческие и римские философы и смогли бы в нем ориентироваться.

Глава 2. «Война на реке» Черчилля

Первая крупная историческая книга Черчилля, опубликованная в 1899 г., когда ему было 25 лет, обнаруживает корни его мышления и источник его величия, что позволило ему вести Англию против Гитлера во Второй мировой войне. Битва при Омдурмане стала одной из последних в своем роде накануне эпохи индустриальных войн: это был ряд кавалерийских атак широким фронтом. В последней принял участие и молодой Черчилль. «Война на реке» показывает древний мир внутри современного. Именно оттуда мы начнем наше путешествие, чтобы взять из прошлого то, что поможет нам встретить во всеоружии настоящее.

Глава 3. «Пуническая война» Ливия

«Война с Ганнибалом» Ливия представляет канонические символы патриотической добродетели и дает неоценимые уроки для нашего собственного времени. Ливий, типичный аутсайдер, предлагает неподвластные времени прозрения относительно природы человеческих страстей и мотиваций и показывает, что мужество в борьбе с врагами должно, безусловно, опираться на гордость за наше прошлое и его достижения. «Не обращай внимания, – пишет Ливий, – если твою осторожность назовут робостью, твою мудрость – медлительностью, твое командование – слабым; пусть лучше мудрый враг опасается тебя, чем глупые друзья хвалят».

Глава 4. Сунь-цзы и Фукидид

Вероятно, нет философских трактатов, в которых знания и опыт изложены в более концентрированной форме, чем в «Искусстве войны» Сунь-цзы. Если моральные принципы Черчилля сосредоточены в его расчетливости, Ливия – в патриотизме, то моральный принцип Сунь-цзы – честь воина. Доблестный полководец – тот, «кто наступает без мысли о завоевании личной славы и отступает несмотря на определенное наказание». «Пелопоннесская война» Фукидида вводит в политический дискурс понятие прагматизма. Его замечание о том, что мысль о собственной выгоде порождает усилия, а усилия – возможность выбора, делает написанную 2400 лет назад историю оружием против фатализма.

Глава 5. Добродетели Макиавелли

Для Макиавелли политика определяется не ее совершенством, а достигнутым результатом. Если она не эффективна, она не может быть добродетельна. Современные лидеры должны учиться у Макиавелли добиваться результатов, руководствуясь концепцией его добродетелей. «Поскольку каждый должен исходить из существующего положения вещей, – пишет Макиавелли, – он может действовать только с тем, что есть под рукой». Умудренный собственным опытом государственного деятеля, Макиавелли верит в языческую добродетель – безжалостную и прагматичную, но не безнравственную. «Все вооруженные пророки побеждали, – пишет он, – а невооруженные погибали».

Глава 6. Судьба и вмешательство

Когда война, злодеяние или другая опасность становятся предсказуемы? С учетом взглядов Макиавелли в этой главе рассматривается детерминизм – учение, согласно которому события предопределяются историческими, культурными, экономическими и прочими предшествующими явлениями. В ней говорится о способности «предвидения беды», о которой писал Макиавелли: слишком ограниченное применение уроков прошлого для будущего опасно.

Глава 7. Великие возмутители: Гоббс и Мальтус

Гоббс, испытавший на себе политические волнения своего времени, пришел к убеждению, что если тщеславие и чрезмерная самоуверенность ослепляют человека, то страх способен помочь ему видеть ясно и поступать нравственно. «Сумма добродетелей, – пишет Гоббс, – заключается в том, чтобы быть дружелюбным с теми, кто хочет быть дружелюбным, и грозным с теми, кто не хочет». По мнению Гоббса, альтруизм неестественен, человек жаден, и борьба всех против всех – естественное состояние человечества. Вопрос свободы становится актуален только после того, как установлен порядок. Томас Мальтус, первый философ, обративший пристальное внимание на политические последствия истощения почвы, голода, болезней и качества жизни бедных слоев населения, предопределил самую главную политическую проблему первой половины XXI в.

Глава 8. Холокост, реализм и Кант

Новая эпоха защиты прав человека, о наступлении которой заявляют политики и журналисты, не является ни чем-то совершенно новым, ни совершенно реальным. Поскольку мир полон жестокости, нравственные уроки холокоста – «символического злодеяния» – будет трудно применить к нашему удовлетворению. Философ Иммануил Кант сделал целью своей жизни определение универсальных законов. Тема Канта – чистая целостность, нравственность абстрактной справедливости и намерений, а не последствий. Задача, стоящая перед реализмом, – соединить грубую тактику с долгосрочными кантианскими целями в сложных и оригинальных обстоятельствах.

Глава 9. Мир Ахиллеса: Солдаты Античности, воины современности

Войны по преимуществу будут нетрадиционными и необъявленными и проходить будут скорее внутри государств, нежели между странами. Всегда были такие войны, которые, по словам Гомера, «чувствуют дикую радость сражения». Но крушение империй холодной войны и беспорядок, который за этим последовал, наряду с продвижением технологий и примитивной урбанизацией провоцировали распад семей, возрождение культов и кровных уз. В результате родился класс воинов не менее жестоких, чем прежде, но лучше вооруженных. Победа над этими воинами будет зависеть от скорости нашей реакции, а не от международного права.

Глава 10. Сражающиеся царства Китая и глобальная система управления

Шумерские города-государства 3-го тысячелетия до н. э. в Месопотамии, ранняя империя Маурьев IV в. до н. э. в Индии, ранняя империя Хань II в. до н. э. в Китае – все это примеры политических систем, в которых разнообразные и разбросанные территории эффективно взаимодействовали друг с другом благодаря торговле и политическим альянсам. В наше время, в обстановке расширяющейся международной торговли, возникновение своего рода свободной мировой системы управления, вероятно, неизбежно, если только не будет серьезной войны между двумя или более великими державами, такими как США и Китай. Но даже такое непрочное единство потребует организационных принципов великой державы.

Глава 11. Тиберий

Истинная смелость и независимость мысли лучше всего подкрепляется примерами из прошлого, взятыми со страниц великих книг. Эффективное лидерство всегда будет одной из загадок личности – достаточно взглянуть на несправедливо раскритикованного римского императора Тиберия. В первую половину своего правления Тиберий сохранил институты и границы империи в том состоянии, что достались ему от предшественника, императора Августа, и сделал их достаточно стабильными, чтобы пережить выходки своих преемников, в частности Калигулы. Он построил не много городов, присоединил не много территорий и не потворствовал прихотям масс. Но он укрепил территории, уже принадлежащие Риму, создав новые военные базы, и сочетал дипломатию с угрозой применения силы, чтобы сохранять мир, предпочтительный для Рима. В отличие от Черчилля или Перикла Тиберия не назовешь вдохновляющим образцом для подражания, но, когда речь заходит о его сильных сторонах, он может оказаться на удивление полезен.

Подлинное богатство человечества – его ошибки, сложившиеся за тысячи лет в огромную гору... Желание порвать с прошлым и начать все заново – унижение для человека и уподобление его орангутангу. Французу Дюпон-Уайту в 1860 году хватило мужества заявить: «Преемственность – одно из прав человека. Это уважение ко всему, что отличает его от зверя».

Хосе Ортега-и-Гассет
К философии истории, 1941

Предисловие

Первородный грех любого автора – видеть мир только со своей точки зрения. Объективность – иллюзия. Как говорил Дон Кихот Санчо Пансе, «то, что тебе кажется тазом цирюльника, для меня – шлем Мамбрино, а для другого что-то еще». Сходным образом дискуссии экспертов по международной политике обнаруживают, что даже лучшие умы могут не соглашаться по поводу самых элементарных деталей. Много раз мне приходилось слышать слово «неточно» из уст эксперта, пытавшегося оспорить то, что, на его взгляд, было фактической ошибкой, а на самом деле лишь иной интерпретацией того же факта.

Нередко то, что принимается за анализ, является лишь простым выражением жизненного опыта в приложении к конкретной теме. Из этого греха произрастает другой – отбор фактов и трактовок для защиты определенной позиции. Решения у этой дилеммы, пожалуй, нет.

Кстати, это относится и к моей биографии. Я никогда не учился в университете, не был постоянным членом каких-то мозговых центров, не работал в правительстве. Всего этого полезного опыта я лишен. Перспектива, которую я предлагаю, основана на образовании иного рода: четвертьвековом опыте работы журналистом преимущественно в зарубежных странах. Именно тот шок, который я испытал, видя своими глазами войны, политические беспорядки, нищету третьего мира, подтолкнул меня к знакомству с классиками философии и политики в надежде найти объяснение тем кошмарам, которые происходили у меня на глазах. Больше всего меня привлекали книги, которые тем или иным образом помогали осмыслить опыт реальных событий. Семь лет, которые я провел в Греции и интенсивных поездках по Сицилии и Тунису, подтолкнули меня к тесному контакту с «Пелопоннесской войной» Фукидида и «Войной с Ганнибалом» Тита Ливия. Эти труды дали мне возможность по-новому взглянуть на наше время и на места, из которых я вел репортажи.

Я не лыщу себя надеждой сравняться в эрудиции с теми, кто потратил всю свою жизнь на изучение этих великих книг. Дилетанта, сталкивающегося с классикой, можно сравнить с путешественником во время первых дней его пребывания в чужой стране: есть вещи, которые он может понять неправильно, но он может заметить то, на что постоянно проживающие там люди перестают обращать внимание. Путешественник XIX в. сэр Ричард Фрэнсис Бертон писал:

Не пренебрегай, любезный читатель, первыми впечатлениями... если нужно сделать резкий, четкий набросок, его нужно делать немедленно по прибытии на место, когда чувство контраста еще свежо в уме, и до того, как другой или третий взгляд не вытеснит первого впечатления... Тот, кто провел много лет на одном месте, забывает все ощущения, которые он испытал,

увидев его впервые; и если он пишет об этом, он пишет для себя и для своих старинных друзей, а не для публики. Автор заметок, который поступает согласно моим советам, разумеется, делает непреднамеренные ошибки... но в целом картина получится живой и правдивой [1].

Философия не менее увлекательна для дилетанта, чем для специалиста, и я надеюсь, что смогу передать свой энтузиазм по поводу тех философов, труды которых изучал. Мой выбор, разумеется, не бесспорен. Хорошо слышу голос читателя: «Если он пишет о Макиавелли, то почему не о Ницше; если Кант, то где Локк?» Поскольку в центре моего внимания международная политика, я выбрал несколько философов и писателей, которые, на мой взгляд, наиболее соответствуют моей теме и интересны в связи с ней.

Философия не всегда поучительна. Она может оказаться бесполезной и даже, в некоторых случаях, опасной. Невилл Чемберлен был хорошо начитан в классике, равно как и Уинстон Черчилль. Граф Чиано, министр иностранных дел в правительстве Муссолини, был почитателем Сенеки. Мартин Хайдеггер, которого многие считают величайшим философом XX в., после прихода Гитлера к власти стал нацистом. Но даже при наличии разного рода опасностей философия может принести политикам пользу, особенно в отношении тематики, о которой журналисты знают не понаслышке.

В эссе, составивших эту книгу, я остаюсь журналистом: я пишу репортажи о классиках и взглядах современных ученых, объединяя их в повествование так же, как поступает любой журналист с имеющимися в его распоряжении материалами.

Я не оптимист и не идеалист. Американцы могут позволить себе оптимизм отчасти потому, что их система, включая конституцию, была задумана людьми, мыслящими трагически. Прежде чем первый президент принес клятву, были определены правила импичмента. Джеймс Мэдисон писал в 51-й статье сборника «Федералист», что, поскольку люди слишком далеки от искупления, единственный выход заключается в том, чтобы противопоставить одни амбиции другим, одни интересы другим: «Будь люди ангелами, не понадобилось бы никакое правительство». Наше разделение ветвей власти основано на этом мрачном представлении о человеческом поведении. Французская революция, напротив, начиналась с безграничной веры в здравый смысл масс и в способность интеллектуалов обеспечить хорошие результаты, но закончилось все гильотиной.

Наши отцы-основатели были конструктивными пессимистами до такой степени, что постоянно беспокоились о том, что может оказаться неверным в человеческих отношениях. Задача автора – не только вдохновлять, но и волновать, и говорить о том, чего его возможная аудитория предпочла бы не слышать. Международная политика тоже нередко представляется в свете наихудших сценариев. Так что мой пессимизм и скептицизм могут быть вполне уместны. Ибо политики нового века будут проверяться не благополучными событиями на мировой арене, которым станут аплодировать гуманисты, а тяжелейшими испытаниями нового времени.

Впрочем, любая дискуссия нового века должна начинаться со старого.

Глава 1

«Современного» мира не существует

Все бедствия XX в. возникали на фоне популистских движений, которые чудовищным образом эксплуатировались во имя утопических идеалов, и степень их усиливалась благодаря новым технологиям. Нацистская партия зародилась как крестовый поход за права трудящихся, организованный мюнхенским слесарем Антоном Дрекслером в 1919 г., за год до того, как ее прибрал к рукам Гитлер. Большевизм тоже появился на фоне освободительного политического движения и, подобно нацизму, эксплуатировал мечту о социальном возрождении. Преступления нацизма и большевизма отягощены разного рода изобретениями индустриальной эпохи. Что касается Мао Цзэдуна, его идея трудоемкой индустриализации через создание утопических коммун привела к гибели по крайней мере 20 миллионов китайцев в 1958–1962 гг., в период политики Большого скачка [1].

XX в. может служить неудачным примером для XXI, но только глупцы могли бы от него отмахнуться, особенно потому, что популистские движения распространяются по всему миру, провоцируя беспорядки и требуя политических и экономических преобразований. Азия – особый предмет для беспокойства. Индия, Пакистан, Китай и другие возникающие державы пульсируют новыми технологиями, националистическим пылом и центробежными силами. Вспоминаются слова Александра Гамильтона:

Искать длительной гармонии между определенным числом независимых, не связанных между собой суверенных образований, расположенных по соседству, – значит пренебрегать неизменным ходом человеческого существования и ни во что не ставить накопленный веками опыт [2].

Таким образом, бедствия XXI в. также могут возникнуть на волне популистских движений, которые пользуются преимуществами демократизации, но на сей раз опираются на религиозные и сектантские верования и используют все достижения постиндустриальной революции, главным образом в информационных технологиях. Индуистские экстремисты, которые в начале 1990-х гг. сжигали в Индии мечети, а в конце того же десятилетия нападали на христиан, принадлежали к рабочему движению в рамках индийской демократии и использовали для распространения своих идей видеокассеты и интернет. Аналогичный феномен отмечался в Индонезии, Иране, Нигерии, Алжире, Мексике, Фиджи, Египте, Пакистане, на Западном берегу Иордана, в арабском Назарете и других местах, где религиозные и этнические группировки, преимущественно из рабочего класса, воодушевленные демократизацией, разжигают волнения при помощи современных коммуникационных технологий.

Популистские страсти подогреваются социальными и экономическими трениями, зачастую отягощенными ростом населения и нехваткой ресурсов на чрезвычайно урбанизированной планете. В ближайшие десятилетия на два или три миллиарда человек больше будут жить в огромных бедных городах развивающегося мира.

Глобальный капитализм будет способствовать этим опасным, сокрушительным традициям и интенсивно распространять новые. Блага капитализма не распределяются поровну, поэтому чем более динамична экспансия капитализма, тем более неравномерно обычно происходит распределение богатств [3]. В процессе глобализации появятся два динамичных класса – предприимчивых нуворишей и, что более опасно, нового субпролетариата: миллиардов трудящихся бедняков, недавно переселившихся из сельской местности в расползающиеся самовольные поселения, окружающие большие города Азии, Евразии и Южной Америки.

Сейчас 2,5 % населения планеты имеют доступ к интернету посредством компьютеров и сотовых телефонов. Ожидается, что к 2010 г. это число увеличится до 30 %¹. Но 70 % к этому времени все еще не будут иметь доступа к интернету, а половина населения планеты не будет иметь возможности даже сделать телефонный звонок [4]. Неравенство будет гигантским, а терроризм, возникающий на основе этого неравенства, будет пользоваться беспрецедентными технологическими ресурсами.

Распространение информации не обязательно способствует стабильности. Изобретение подвижных литер Иоганном Гутенбергом в середине XV в. привело не только к Реформации, но и к религиозным войнам, возникшим из-за внезапного распространения текстов, разжигавших доктринальные противоречия и пробуждавших давно лежавшие под спудом обиды. Распространение информации в ближайшие десятилетия приведет не только к новым социальным объединениям, но и к новым расколам по мере того, как люди станут находить новые и сложные темы для несогласия.

Я уделяю особое внимание темным сторонам каждого события не потому, что будущее обязательно станет хуже, а потому, что все это всегда способствует кризисам в международной политике.

Западные политики, согласно их публичным заявлениям, убеждены, что волнения на этнической и религиозной почве возникают вследствие политических притеснений, хотя именно политическая свобода зачастую развязывает насилие, к которому питают отвращение либеральные общества. Нет ничего более неустойчивого и ничего более нуждающегося в дисциплинирующем, просвещенном руководстве, чем огромные массы низкооплачиваемых, частично безработных, малограмотных трудящихся, разделенных по этническому и религиозному признакам.

В особенности усложнится миротворческий процесс. Дело в том, что для успеха мирных переговоров требуется централизация власти. Только сильные правители способны оправдывать исторические кардинальные повороты, необходимые для установления мира, часто с помощью покладистой прессы и минимальной оппозиции. Без инструментов диктаторской власти ни Анвар Садат в Египте, ни король Иордании Хусейн не достигли бы мира с Израилем. Демократизация – долгий и неравномерный процесс: прежде чем сформировать стабильные организации, она порождает слабых и неуверенных лидеров. Кое-кто говорит, что только после демократизации арабского мира станет возможным мир с Израилем. Не обязательно. Либерализация в таких странах, как Египет и Сирия, может активизировать

¹ «Политика война» была впервые опубликована в конце 2001 г. В 2010 г. доля пользователей интернета во всем мире действительно составляла 30 %.

экстремистские силы, которые в ближайшем будущем еще больше дестабилизируют ситуацию на Ближнем Востоке.

Западные политики убеждены, что победу над диктаторами можно одержать, попросту сместив их. Швейцарский историк Якоб Буркхардт пишет: «Как плохие врачи, они надеются победить болезнь удалением симптомов и воображают, что после смерти тирана свобода установится сама по себе» [5]. В 1990-х гг. правительства западных стран требовали проведения выборов в развивающихся странах, часто в местах с низким уровнем грамотности, слабыми государственными институтами и бушующими этническими распрями. На смену диктаторам приходили избранные премьер-министры. Но поскольку диктаторы сами по себе были проявлением слабого социального и экономического развития, их смещение часто способствовало продолжению той же варварской практики, только в демократическом обличи. Так, например, произошло в Пакистане и Кот-д'Ивуаре – двух крупных показательных странах Южной Азии и Западной Африки, где избранные лидеры расхищали огромные денежные средства и натравливали одни этнические группы на другие, пока в конце 1990-х гг. военные обеих стран не устроили перевороты, которые местное население приветствовало с видимым облегчением [6]. Разумеется, военное правление ничего не решило и волнения продолжились.

Даже когда Запад вмешивался и возглавлял местные администрации, как в Косове и на Гаити, не поддающиеся урегулированию культурные и исторические факторы могли препятствовать установлению стабильности. В последний день XX столетия, через полгода после того, как президент Билл Клинтон и британский премьер-министр Тони Блэр объявили о победе в Косове, Бернар Кушнер, глава переходной администрации ООН в этом регионе, сказал, что этническое примирение между сербами – православными христианами и албанцами-мусульманами остается далекой целью. «Нельзя за несколько недель или месяцев изменить души и ментальность людей после многовековой ненависти и борьбы. Это невозможно» [7].

Но не только этническое примирение и победу либеральной демократии нельзя считать само собой разумеющимися. Это же относится и к нынешней системе государств-наций. Постколониальная эпоха пока еще на ранней стадии разрушения. Остатки европейских империй в Африке и на Азиатском субконтиненте до сих пор представляют собой относительно стабильное территориальное деление. Только в маргинальных регионах, таких как Сомали и Сьерра-Леоне, эта система рухнула. В следующем десятилетии она может развалиться в более крупных, более густонаселенных и более урбанизированных государствах, таких как Нигерия и Пакистан, где интервенционные сценарии могут оказаться особенно проблематичными.

Резкий рост городов в последние десятилетия усилил возможность того, что в новом веке гигантские метроплексы со своими собственными прилегающими территориями и лояльным населением затмят по политической значимости государства. Соединенные Штаты быстро превращаются в конгломерат мирно конкурирующих между собой городов-государств. 85 % населения Аризоны живут в большом «городском коридоре» Тусон – Финикс. По некоторым оценкам, к 2050 г. их число достигнет 98 % [8]. Тихоокеанский северо-запад становится единым урбанистическим пространством вдоль федеральной автомагистрали № 5, или, как ее называют местные, Главной улицы I-5, протянувшейся от Юджина в штате Орегон до Ванкувера в Британской Колумбии, практически игнорируя государственную границу между США и Канадой. За океаном значительное количество возникающих городов-государств – Сан-Паулу, Богота, Москва, Киев, Баку, Куньмин на юге Китая, – окруженных слабыми и анархичными регионами, рискуют оказаться под контролем корпоративной и военной олигархии, где-то просвещенной, где-то криминализованной. В таких высокотехнологичных, неосредневековых княжествах выборы можно будет покупать, а политику

будут определять силовые структуры и службы безопасности, причем в гораздо большей степени и более искусно, чем ныне.

В самых богатых частях света, где существует верховенство права, совершенно неясно, понадобится ли правительству таким появляющимся политическим объектам: некоторые могут сохраниться в виде подвижных органов исполнительной власти, обеспечивающих самые необходимые услуги, в то время как постоянно усиливающиеся глобальные институты возьмут на себя остальные бюрократические обязанности.

Города всегда существовали между добром и злом, между роскошью и нищетой, творчеством и террором, новыми идеями и гаджетами. Такие места надо скорее чувствовать, нежели судить. Представьте массы народа, населяющие эти богатые города-государства: они счастливы в своих бетонных ульях, живут кино, телевидением и интернетом, перетекают от одного безумства к другому и до такой степени обработаны чужими мнениями через всеохватную сеть электронных медиа, что их индивидуальность подвергается опасности, даже если они громко заявляют об обратном [9].

Только исламские массы в нашу эпоху серьезно сомневаются в нравственном статусе городов. Исламский фундаментализм оказывает моральную и психологическую поддержку миллионам крестьян, которые переселяются в ближневосточные, южноазиатские и индонезийские города, где в нищих трущобах под угрозой оказываются их ценности, а системы водоснабжения и прочие элементарные удобства отсутствуют. Здесь, пока наши элиты болтают о либерализме, как ранее – о марксизме, зарождается новая классовая борьба, связанная с религией и напряженностью городской жизни третьего мира.

XX в. стал последним в истории, когда человечество в большинстве своем было сельским [10]. Полем боя в будущем станут чрезвычайно сложные городские территории. Если американские солдаты не смогут сражаться и побеждать в ближнем бою, наш статус как сверхдержавы окажется под вопросом.

Индустриальная революция имела дело с масштабом: огромные фабричные комплексы, небоскребы, сеть железных дорог способствовали концентрации власти в руках правителей огромных территорий, не только ответственных лидеров, таких как Бисмарк и Дизраэли, но и таких как Гитлер и Сталин, интенсифицируя их злодеяния. Однако постиндустриальная революция снабжает любого сотовым телефоном и мешком взрывчатки. Военное превосходство Америки гарантирует, что новые противники такого рода не будут сражаться в соответствии с нашими представлениями о чести: они будут наносить удары внезапно, асимметрично, по самым уязвимым точкам, как часто поступали и в прошлом.

Асимметрия придает силу террористам и киберпреступникам, поскольку такого рода противники действуют вне принятых международных норм и системы ценностей на том уровне, где жестокость и злодеяния – легитимный способ ведения войны [11]. Гигантские размеры американских демократических институтов делают военное планирование и приобретение оружия процессом весьма обременительным и подотчетным общественности. У наших будущих противников таких ограничений не будет. Их действия будут быстрыми и простыми, не оставляющими письменных следов и недоступными общественному наблюдению. Это станет их преимуществом. Глупые диктаторы типа Саддама Хусейна, ведущие с нами войну с применением обычных видов оружия, – историческая редкость: более вероятно возникновение химической или биологической версии Перл-Харбора.

Биологическое оружие станет все более доступно для террористических группировок. Даже если такое оружие должно оставаться в руках государств, дипломатии может оказаться недостаточно, чтобы нейтрализовать его, поскольку оно – часть продолжающейся, неудержимой биотехнологической революции. На самом деле ускорение развития технологий в

генетике, биологии, химии, оптике и кибернетике предоставляет огромные новые возможности для неконтролируемого вооружения.

Надо принимать во внимание и то, что мы сейчас на грани нового расширения исследования космоса и использования спутников. По некоторым оценкам, к 2025 г. 20 % всей экономики США так или иначе будут связаны с космическими разработками, и программисты, инженеры, высококвалифицированные специалисты потянутся к нам со всего света (преимущественно с Индийского субконтинента), чтобы развивать и осваивать новые технологии для мультинациональных корпораций, базирующихся в США [12]. Распространение такой силы по частным советам директоров может породить новые злодеяния, пока еще не имеющие названия. Вспомните, что слова «фашизм», «тоталитаризм» и «нацизм» не имели широкого распространения до третьего – четвертого десятилетия прошлого века.

К тому же технологии могут сами по себе усиливать мощь государств, и об этом надо думать, учитывая опыт последних ста лет. Например, государство, не признающее международных норм, может использовать новые технологии для ведения необъявленной войны против Соединенных Штатов через стратегическое использование террористических и криминальных группировок и в то же время манипулировать могущественными международными СМИ для сокрытия своих намерений.

Разумеется, новые технологии несут и массу полезных разработок, но это еще один повод для военных и гражданских лидеров США проявлять осторожность. Научный оптимизм в начале XX в. оставил европейцев неподготовленными к бедствиям, которые позже свалились на их головы. Новые устройства, как всегда, предоставят новые возможности для человеческих злодеяний. В отличие от меча или топора, которые действуют как продолжение человеческой руки, машина не имеет никакого отношения к телу. Тем самым нарушается эмоциональная связь между актом насилия и исполнителем насилия, что в огромной степени расширяет масштаб деперсонализированного зла. Вспомните автоматическую винтовку: это механизм, преобразующий тепловую энергию в кинетическую. Это еще один урок XX в.: связь – когда мы теряем бдительность – между технологическим ускорением и варварством.

Пока я упомянул только *движущие силы*: тенденции, которые уже видны (рост населения, урбанизация, капитализм, технологии, неравномерность доходов и т. д.). Но есть и *случайные явления*, события, которые застают нас врасплох, как СПИД в 1980-х гг. [13]. Такими случайными явлениями, с одной стороны, могут быть природные катастрофы, например наводнения и землетрясения, дестабилизирующие хрупкие политические системы, а с другой – клонирование человеческих существ, генетически спроектированных для военных целей, такими быстро растущими державами, как Китай.

Есть еще глобальное потепление, которое может оказаться и движущей силой, и случайным явлением, – в результате могут возникнуть природные катастрофы и экстремистские политические реакции на них.

Само слово «современный» предполагает желание отделить нашу жизнь от прошлого [14]. «Современные» идеи, политика, архитектура, музыка и т. д. предполагают не расширение прошлого и не реакцию на него, а отрицание. Термин «современный» – это торжество *Прогресса*. Однако чем более «современными» становимся мы и наши технологии, чем больше наша жизнь становится механизированной и абстрактной, тем больше вероятность того, что взбунтуются наши инстинкты, того, что мы сами станем более коварными и извращенными, пусть и в утонченном виде.

Электронные коммуникации, позволяя нам избегать непосредственного контакта лицом к лицу, облегчают совершение жестокостей по мере того, как мы входим в абстрактное царство чистой стратегии и обмана, не подвергаясь особым психологическим рискам.

Освенцим стал возможен и потому, что новые промышленные технологии дистанцировали немецких палачей от их действий. Один из руководителей крупной интернет-компании рассказывал мне, что самая жестокая корпоративная борьба за власть, при которой сокращаются целые департаменты, в то время как каждое подразделение остается в неведении относительно того, что творится с другими, происходит в фирмах, где электронные коммуникации полностью заменили непосредственное общение.

Меритократия также подогревает агрессию, создавая новые возможности для миллионов, жаждущих удовлетворить свои амбиции и вступающих в жестокую конкуренцию друг с другом. Мы можем наблюдать это и на обычных рабочих местах, и на самых вершинах бизнеса, политики и медиа. Следовательно, ожидать, что отношения между государствами и политическими группами в будущем станут более гармоничными или мудрыми благодаря развитию технологий, было бы нереалистично.

В тех культурах, которые не в состоянии конкурировать в области технологий, многие молодые мужчины могут, подобно воинам, насиловать и грабить почти в ритуальной манере, украшая себя племенной символикой вместо униформы, как сербские и албанские вооруженные формирования, индонезийские боевики, мусульманские участники «священной войны» в Кашмире, чеченские бандиты и русские солдаты. Разумеется, такие регионы, как Россия и Сербия, способны быстро восстановиться в политическом и экономическом смысле, и их молодежь может стать хорошими работниками. Депрессивные территории никогда не станут большей частью территории стран, но останутся периодически видоизменяющейся меньшей частью, достаточной для создания региональной нестабильности и перманентных кризисов, с которыми придется иметь дело руководителям государства.

Медийное клише «глобальная деревня» поднимает престиж любых медиа, которые им пользуются; примером тому CNN. Но государственные деятели должны бороться с суровой правдой, а не с клише. Конфликтность и общность неизбежны для человеческого существования. В то время как постиндустриальный Запад пытается отрицать перманентность конфликтов, Африка, Азия, Индийский субконтинент и Кавказ наряду с прочими демонстрируют их живучесть, по мере того как группы, объединенные этнической или религиозной принадлежностью, пытаются подавить соперников и установить собственную власть путем свержения существующих элит [15].

Лишь очень поверхностное знакомство с историей позволяет полагать, что для большинства международных проблем можно найти решения. Очень часто таких решений не существует. Есть лишь путаница и неудовлетворительные варианты.

Вот почему генерал Джордж Маршалл, архитектор победы США во Второй мировой войне и послевоенного восстановления Европы, еще в 1927 г., когда стал начальником пехотного училища в Форт-Беннинге, штат Джорджия, отменил инструкцию, в которой был сделан акцент на «решения», и заменил ее «реалистическими упражнениями», необходимыми, чтобы научить офицеров проявлять «инициативу» и «рассудительность» [16].

Инструкция для будущих президентов и государственных секретарей должна отражать мудрость Маршалла, проявленную в Форт-Беннинге. Маршалл сомневался, «способен ли человек рассуждать мудро и с глубокой убежденностью... об основных международных вопросах современности, не имея при этом в виду как минимум Пелопоннесскую войну и падение Афин» [17].

Маршалл знал античную историю. Таким же образом любые новые правила для лидеров должны будут ее учитывать. Античная история, как я покажу далее, самый надежный источник информации о том, с чем нам с большой долей вероятности придется столкнуться в первые десятилетия XXI в.

Это эссе не о том, что думать, оно о том, как думать. Я пишу не о конкретной политике, а о политике как результате размышлений, а не эмоций. Опытные политики типа Маршалла руководствовались не симпатией, а необходимостью и собственными интересами. План Маршалла – не подарок Европе, а попытка сдерживать советскую экспансию. Когда необходимость и собственные интересы хорошо просчитаны, история называет такое мышление «героическим».

По мнению Маршалла, аристократического и надменного офицера, которого мало кто осмеливался называть по имени, героизм – это результат правильных суждений, полученных на основе неадекватной информации: в реальном бою информация о противнике всегда неполная, и к тому моменту, когда все проясняется, предпринимать что-либо обычно бывает слишком поздно.

Кризисы в мировой политике подобны битвам. Внутренняя политика формируется на основании изучения статистики продолжительных переговоров между исполнительной и законодательной властью, а внешняя политика часто полагается на чисто интуитивную способность понять быстро развивающиеся, нередко насильственные события за рубежом, осложненные культурными различиями. В мире, где демократия и технологии развиваются быстрее, чем институты, необходимые для обеспечения их устойчивого развития – даже если государства сами разрушаются и преобразуются до неузнаваемости под воздействием урбанизации и информационной эпохи, – внешняя политика будет скорее искусством, нежели наукой постоянного кризисного менеджмента.

По мере того как крутыми волнами станут накатываться будущие кризисы, американским лидерам придется усвоить, что в мире нет таких понятий, как «модерн» или «постмодерн»; наш мир – лишь продолжение «древности», и этот мир, несмотря на все его технологии, очень хорошо могли бы понять выдающиеся китайские, греческие и римские философы и сумели бы в нем ориентироваться. Это было бы по плечу и такому политику, как генерал Маршалл, следовавшему древней традиции скептицизма и конструктивного реализма.

Но скептицизм и реализм – категории слишком широкие, чтобы на них строить полезное руководство для государственных деятелей.

В конце концов, и Уинстон Черчилль, и Невилл Чемберлен были реалистами, рассчитывающими возможности и результаты на основании опыта прошлого и собственных интересов. Заинтересованность Черчилля в восстановлении баланса сил в Европе, что пошло бы на пользу Англии, не требует доказательств. Однако сторонники политики уступок тоже были прагматиками. С исторической точки зрения перевооружение Германии было нормальным явлением, и в середине 1930-х гг. Гитлера могли рассматривать как очередного презренного диктатора, с которым Западу пришлось иметь дело, а не как самовлюбленного маньяка из *Mein Kampf*, тем более что двумя десятилетиями ранее восемь с половиной миллионов человек погибли в войне, возникшей из-за просчетов и путаницы и никому не принесшей ощутимой пользы. Напротив, она обернулась катастрофой. С другой стороны, Сталин уже проявил себя как организатор массовых убийств, в то время как Гитлер (по крайней мере до начала Второй мировой войны) – нет. Сторонникам уступок разрешение на перевооружение Германии для сдерживания Советского Союза казалось совершенно разумным.

Однако это не помешало Черчиллю не только искать способы сдержать Гитлера, но и в конечном счете уничтожить его. Это не помешало Черчиллю опасаться Германии больше, чем Советского Союза, хотя именно Черчилль, будучи военным министром Британии с 1919 по 1921 г., возглавлял усилия Запада по свержению большевиков в ходе Гражданской войны, последовавшей за Октябрьской революцией. На самом деле Черчилль, который заключил

альянс со Сталиным против Гитлера, всегда был гораздо более яростным антикоммунистом, чем любой сторонник уступок.

Возникает вопрос: почему Черчилль оказался большим реалистом, чем Чемберлен? Что в тех конкретных обстоятельствах понимал Черчилль, способное помочь государственным деятелям в будущих кризисах? Ответ на эти вопросы – первый шаг к борьбе с противостоящим нам миром.

Глава 2

«Война на реке» Черчилля

Британский историк Джон Киган пишет: «Никакой другой гражданин последнего века 2-го тысячелетия, худшего в истории, не заслуживает большего права называться героем человечества», чем Уинстон Черчилль. Киган говорит, что Черчилль, равно как и Франклин Делано Рузвельт, «извлекали нравственную цель из англосаксонской традиции главенства закона и свободы личности. Каждый мог отстаивать эту традицию, поскольку море защищало его страну от сухопутных врагов свободы» [1].

4 июня 1940 г., выступая в палате общин после эвакуации британских войск из Дюнкерка и в свете неминуемого скорого поражения Франции, Черчилль говорил: «Мы будем защищать наш остров любой ценой. Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в полях и на улицах... Мы никогда не сдадимся». Редко когда несколько фраз так вдохновляюще воздействовали на общество. Оксфордский философ Исайя Берлин отметил, что Черчилль «идеализировал» соотечественников «с такой силой, что в итоге они приблизились к его идеалу и стали смотреть на себя его глазами...» [2].

Есть много способов объяснить силу и величие Черчилля, но Берлин выразился, пожалуй, наиболее точно: «Доминирующая категория Черчилля, единственный, центральный, организующий принцип его нравственной и интеллектуальной вселенной, – это историческое воображение такой силы и такой всеохватности, что оно способно было представить все настоящее и все будущее в рамках богатого и разноцветного прошлого». А поскольку наиболее сильным чувством Черчилля было «чувство прошлого», в особенности античной истории, он также, по мнению Берлина, был «близко знаком со злом...».

Черчилль рано распознал Гитлера, потому что в гораздо большей степени, чем Чемберлен, был знаком с чудовищами. Чемберлен был поверхностным реалистом. Он понимал, что его народ хочет мира и хочет тратить деньги на домашние нужды, а не на вооружения, и он давал им это (когда Чемберлен вернулся из Мюнхена после умиротворения Гитлера, его объявили героем). Но Черчилль видел глубже. Он был человеком, лишенным иллюзий, еще и потому, что большую часть своей жизни (не считая школьных лет) читал и писал об истории и своими глазами как солдат и журналист видел британские колониальные войны. Он понимал, насколько непредсказуемо и иррационально может вести себя человек. Как все мудрецы, он мыслил трагически: мы создаем нравственные стандарты, чтобы измерять степень нашей собственной неадекватности.

Разумеется, Черчилль был далек от совершенства, в том числе и в своей политике по отношению к Гитлеру. Но и Чемберлен был отнюдь не таким простофилей, как многим кажется. Если бы события повернулись немного иначе, Чемберлена сейчас ценили бы

гораздо выше. Чемберлен не был неразумен. Ему скорее не повезло. Чемберлен, прощупывая намерения Гитлера, получал необходимое время для укрепления британской обороны, одновременно подготавливая общественное мнение к бытовавшей в правительстве мысли о неизбежности войны с Германией. Однако есть нечто сугубо «черчиллевское», что достойно исследования как идеал.

Европа накануне Второй мировой войны очень далека от выжженных суданских пустынь конца XIX в. Но именно там проявились особенности мышления Черчилля, которые позволят нам понять наши проблемы. Именно оттуда мы начнем наше путешествие, чтобы взять из прошлого то, что поможет нам встретить во всеоружии настоящее.

В середине 1980-х гг. я был в Хартуме, столице Судана, освещая ситуацию с голодом, охватившим весь Африканский Рог. В Хартуме мне попала книга о Судане столетней давности, «Война на реке: историческое повествование о повторном завоевании Судана». Это был первый исторический труд Черчилля, опубликованный в двух томах в 1899 г. [3].

«Война на реке» посвящена двум десятилетиям британской колониальной истории начиная с 1881 г., когда Британия совершила вооруженное вторжение в Египет, чтобы после народных волнений восстановить власть хедива Тевфик-паши. Корабли британского флота произвели артиллерийский обстрел Александрии, затем произошла высадка десанта, и перед Британией встала задача правления Египтом и Суданом, в то время египетской провинции. В том же году в отдаленных суданских пустынях вспыхнуло исламское восстание под руководством Мухаммеда Ахмеда Махди, или Спасителя. Британия поручила заслуженному военачальнику, генералу Чарльзу Джорджу Гордону, организовать эвакуацию египетского гарнизона из Хартума. Отряды Махди окружили Гордона, которому пришлось выдержать многомесячную осаду, прежде чем британский премьер-министр Уильям Гладстон распорядился отправить ему на выручку спасательный отряд. Но было слишком поздно. Подкрепление вошло в город через два дня после того, как генерал Гордон с оружием в руках был убит воинами Махди. Это поражение привело к отставке либерального правительства и положило начало длительному периоду правления консерваторов в Британии. Консерваторы начали процесс повторного завоевания Судана, который включал в себя засылку шпионов, строительство железной дороги на юг вдоль Нила и отправку экспедиционного корпуса. Кульминацией стала победа генерала Герберта Китченера над армией махдистов в 1898 г. при Омдурмане, на левом берегу Нила, напротив Хартума. Битва при Омдурмане стала одной из последних в своем роде накануне эпохи индустриальных войн: это был ряд кавалерийских атак широким фронтом. В последней принял участие и молодой Черчилль, офицер 21-го уланского полка. Яркие воспоминания юности, возможно, обеспечили Черчиллю более широкое видение судьбы Британии, чем то, что было у Чемберлена.

«Война на реке» Черчилля с ее широкомасштабными описаниями «цивилизации» и «варварства», с ее неудобными рассуждениями о традициях других культур и народов, с ее своеобразными и живописными батальными сценами читается как «История» Геродота и порой даже как «Илиада» Гомера. Тот же человек, который четыре десятилетия спустя станет спасителем западной цивилизации, пишет о «храбрых и честных... неграх, черных как уголь», которые «демонстрируют доблести варварства». Он описывает арабов как «более сильную расу», которая «навязала свои традиции и язык неграм. <...> Египтянин сильный, терпеливый, здоровый и послушный. Негр во всех отношениях ему уступает» [4]. Однако, по мнению Черчилля, египетское правление не отличается «добротой, мудростью или прибыльностью. Его цель – эксплуатировать местное население, а не способствовать его процветанию». Оно заменило «суровую справедливость меча» «запутанной системой коррупции и взяточничества». Утверждение Черчилля о том, что «плодородная почва и расслабляющий климат дельты [Нила]» не в состоянии породить «нацию воинов», – проявление географиче-

ского фатализма, или «детерминизма», говоря научным языком. С современной точки зрения это, разумеется, вызывает сожаление.

Черчилль предстает и как путешественник, описывающий «подернутый дымкой» воздух пустыни, который «дрожит и переливается, как над печью», *кхоры* (каменистые ущелья), «поросшие странной травой со сладковатым запахом», «ощетинившиеся штыки» под «дикий и вызывающий дрожь аккомпанемент барабанов и флейт английских полков». В битве при Омдурмане армия Махди под знаменами, украшенными цитатами из Корана, напоминает молодому Черчиллю «изображения крестоносцев на гобелене из Байё» [5].

Черчилль везде ищет драматизма и живописности, элементов, которые придадут особую силу его выступлениям военного времени. Он похож на географа, для которого человеческие существа – разумная фауна, населяющая ландшафт. Он терпеливо описывает взаимосвязь дождей, плодородия почвы, климата, слонов, птиц, антилоп и племен кочевников. Черчилль не расист: его интересуют скорее культурные, нежели биологические различия. Он заявляет, что огромная территория Судана представляет собой «множество различий по климату и расположению, а это способствует появлению специфических и несходных между собой пород людей» [6]. Этот подход характерен для Аристотеля, Монтескье, Гиббона, Тойнби и других великих философов и историков.

От фатализма и романтизма «Войну на реке» спасает то, что грубо реалистичное описание племен и пустыни представляет их завоевание гораздо более значительным и увлекательным: непокорный географический и человеческий ландшафт становится препятствием, которое должен преодолеть добродетельный человек. Чем более безнадежной представляется история и география, чем менее перспективен человеческий материал, тем больше возможностей для проявления героизма. Ведь именно отдельные люди, равно как и география, определяют историю. Как пишет Исайя Берлин, говоря о Древней Греции, история – это то, что «творил и переживал Алкивиад», несмотря на «все усилия общественных наук» доказывать обратное. «Война на реке» подтверждает это определение. Это повествование, которое в полной мере отдает должное гению индивидуальности. Возьмите генерала Гордона, о котором Черчилль пишет:

Вот он – субалтерн саперной роты, вот он командует китайской армией, а вот организует приют для сирот... Затем – генерал-губернатор Судана, наделенный властью над жизнью и смертью, войной и миром. Но в любой роли мы видим человека, в равной степени невосприимчивого к нахмуренным бровям мужчин и улыбкам женщин, к жизни и комфорту, богатству и славе [7].

Гордон впервые проявил невероятную храбрость во время Крымской войны. Затем он участвовал в подавлении Тайпинского восстания в Китае и в 1865 г. триумфатором вернулся в Англию, где получил прозвище Гордон Китайский. В 1870-х гг. мы видим его в Центральной Экваториальной провинции на юге Судана, где он занимается картографированием верховьев Нила и создает ряд колониальных поселений. Позже, в должности генерал-губернатора Судана, он подавляет восстания и борется с работорговлей. Благочестивый христианин, он умер мученической смертью во время своего последнего противостояния с махдистскими войсками в Хартуме. Как изображения великих мужей, созданные Плутархом, так и изображение Гордона, созданное Черчиллем, показывает, что он в первую очередь озабочен личностями и индивидуальными действиями; долг исполняется и вознаграждается [8].

Для Черчилля корни славы – в нравственности последствий, в реальных результатах, а не в благих намерениях. Британская военная операция в долине Нила заслуживает восхищения исключительно потому, что за ней последовала «великолепная работа по созданию хорошего правительства и процветания» [9]. Британцы действительно построили дороги и

прочую инфраструктуру, разработали систему общественных услуг. Во время многочисленных посещений Судана в 1980-х гг. мне доводилось слышать, как суданцы с гордостью и ностальгией вспоминают длительный период британского правления и последовавшее за ним десятилетие независимости, после чего в стране снова начались волнения, восстания и впервые после Махди поднял голову религиозный фанатизм.

Черчилль мог порой проявлять наивность относительно продолжительности влияния Британии на свои колонии, но он никогда не был циником. Действительно, во времена, когда только что созданное демократическое правительство Сьерра-Леоне просит Британию не выводить своих командос, когда международное сообщество сохраняет протекторат в Боснии и Косове, чтобы предотвратить возобновление этнического геноцида, когда австралийские оккупационные войска помогают защищать права человека на Восточном Тиморе, трудно обвинять Черчилля за поддержку колониальных интервенций, которые обеспечивали стабильность и более высокое качество жизни местного населения. На самом деле риторика Черчилля и некоторые из его намерений поразительно близки идеям современных моральных интервенционистов.

Черчилль пишет, что британский колониализм в долине Нила благороден, потому что его целью было «примирить враждующие племена, установить правосудие там, где царило одно насилие, разбить цепи рабства, извлечь богатства из земных недр, насадить первые семена коммерции и образования, расширить для целых народов возможности жить с удовольствием и сократить шансы на страдания, – какая более прекрасная идея или более ценное вознаграждение может вдохновить человеческие усилия? Деяние благодетельное, осуществление вдохновляющее, и результат часто чрезвычайно благоприятный» [10].

Когда Запад рассуждал о возможности вмешательства в ситуацию в бывшей Югославии, тоже предполагалось заменить насилие справедливостью, положить конец унижениям человека, заложить основы для возрождения торговли и т. д. Разумеется, Запад не искал выгоды от «извлечения богатств из земных недр», как Черчилль и другие колониалисты. Не было у Запада и расистских взглядов на местное население, как у британцев того времени.

Кроме того, Черчилль в гораздо большей степени, чем сторонники моральной интервенции 1990-х гг., сознавал практические последствия и нравственную пользу военного вмешательства. Он показывает, как поражение итальянцев в Эфиопии в 1896 г. могло подтолкнуть исламских фундаменталистов к нападению на пробританские египетские гарнизоны в соседнем Судане. Таким образом, ключевой причиной экспедиции Китченера было восстановление баланса сил в Северо-Восточной Африке [11]. Британия могла позволить себе эту экспедицию, потому что во всем остальном она жила в мире и ее экономика процветала. Британия была одной из ведущих промышленных стран и одним из финансовых центров того времени. И это, возможно, самое соблазнительное сходство между британской интервенцией в Судан и нашей [американской] на Балканы: мы были мирной нацией, пользующейся легким господством, которое последовало за нашей победой в холодной войне. Следовательно, мы могли себе позволить моральную инициативу, стратегическая выгода которой до сих пор оспаривается.

В свои двадцать пять лет Черчилль не впадает в заблуждение относительно местных реалий. Он понимает ошибки британских союзников в Египте гораздо лучше, чем многие американцы – ошибки в Южном Вьетнаме в 1960-х гг. Он объясняет, что реальной причиной восстания Махди были скорее притеснения со стороны Египта, нежели религиозный фанатизм. Суданцы, говорит он, «были разорены, их собственность разграблена, их женщины изнасилованы, их свободы ограничены» [12]. Черчилль не закрывает глаза и на ошибки Гордона, хотя и восхищается генералом-мучеником. Он сравнивает христианский мистицизм и неустойчивость личности Гордона с фанатизмом Махди.

Но скептицизм Черчилля никогда не приводит к отчаянию. Он поддерживает военные действия – если они оправданы с моральной и стратегической точки зрения, если они в пределах возможностей его страны и если нет иллюзий относительно могущих стать помехой обстоятельств: климата, больших расстояний, воинственных местных группировок и общего недостаточного развития страны.

Черчилль еще раз показал себя человеком, лишенным иллюзий, когда призывал Соединенные Штаты отложить с 1942 на 1944 г. десантную операцию по высадке американских войск на территорию оккупированной немцами Европы. Его высочайший оптимизм, необходимый для поддержки Британии в мрачные дни 1940 г., быстро обернулся осторожностью относительно вступления Америки в войну. За четыре десятилетия до этого, в Судане, Черчилль писал о том, как постепенное, методичное противостояние махдистам в конце 1880-х – начале 1890-х гг. обеспечило последующую победу Британии. Его терпение и сдержанность способствовали преодолению разрыва между реализмом и идеализмом. У реалиста могут быть такие же цели, как и у идеалиста, но он понимает, что для достижения успеха какие-то действия могут быть отложены.

Черчилль – убежденный колониалист неотделим от Черчилля, который в одиночку выступил против Гитлера. Его яркий, страстный, ритмичный язык, вдохновлявший миллионы радиослушателей в 1940 г., повсюду присутствует на страницах «Войны на реке». И в 1890-х гг., и пятьдесят лет спустя его безжалостная воинственность возникает не от предпочтения войны, а от демонстративного викторианского чувства судьбы империи, усиленного тем, что Исайя Берлин называет богатым историческим воображением. Американский историк Пол А. Раз в своем блестящем анализе «Войны на реке» сравнивает стиль и мировоззрение двадцатипятилетнего Черчилля с древнегреческими и древнеримскими историками [13]. Черчилль понимает, что для процветания нации у нее всегда должно быть за что бороться:

Ибо, как в Римской империи, у которой не осталось больше миров для завоевания и соперников для уничтожения, когда нации меняют стремление к власти на любовь к искусству, медленно, но верно проявляются расслабленность и упадок, которые уводят от энергичных прелестей наготы к более тонким соблазнам драпировок, а затем топят в откровенном эротизме и окончательном разложении [14].

Человек, который поддерживал колониальную политику своего государства, а позже поднял его на войну с гораздо более сильной Германией, был глубоко погружен не только в историю своей страны и цивилизации, но и в историю Античности, которая учит, что без борьбы и ощущения уязвимости, которое мотивирует ее, наступает упадок. В I в. до н. э. Саллюстий писал: «Разделение Римского государства на воюющие группировки... произошло несколько раньше как результат мира и материального процветания, которые люди считали величайшим благословением», поскольку «первые пороки процветания – вседозволенность и гордыня» [15]. Понимание этого Черчиллем позволяет объяснить его жесткость, которую древние греки ассоциировали с «мужественностью» и «героическим мироощущением» [16].

«Война на реке» и речи Черчилля периода Второй мировой войны – блестящие образцы особого рода расчетливости – способности устанавливать нравственные приоритеты. Сторонники компромиссов считали нравственно отвратительным искать союза со Сталиным или поддерживать военный заговор против Гитлера, поскольку тот пришел к власти демократическим путем, несмотря на послевыборные закулисные сделки. Сторонники компромисса, пишет профессор Раз, удовлетворили свою моральную щепетильность кошмарной ценой: «они оказались скорее милы, чем мудры. Отказываясь совершить малый грех, они породили гораздо большее зло».

Сегодня, в отличие от конца 1930-х гг., перед нами не стоит угроза масштаба Гитлера. Биполярная природа альянсов Второй мировой войны и холодной войны больше не очевидна. Наша ситуация скорее напоминает поздний период Викторианской эпохи, когда приходилось иметь дело с грязными мелкими войнами в анархических уголках земного шара, таких как Судан [17]. Разве так уж сложно вообразить нашу собственную экспедицию в похожие пустынные пространства, чтобы захватить очередную подобную Махди фигуру – Усаму бен Ладена?

«Война на реке» показывает античный мир внутри современного. Она показывает, что, только принимая географию и длительный исторический период, возможно выйти за их пределы: такие сдерживающие силы следует преодолевать, а не отрицать. Таким образом, черчиллевский подход к международной политике начинается со сдержанности, с понимания того, как современные битвы поразительно похожи на античные.

Глава 3

«Пуническая война» Ливия

Разумеется, древний мир отличается от нашего. Геродот описывает кошмарные и шокирующие нас зверства, которые были обычными 2500 лет назад. Исседоны в Центральной Азии рубили на куски кости покойников и смешивали их с овечьими; скифы перерезали глотки приносимым в жертву несчастным над чашей, затем расчленили их и подбрасывали отрубленные конечности в воздух; фракийцы оплакивали рождение младенца, потому что его ждут страдания в жизни, и радовались на похоронах, потому что муки существования завершились; персы выбирали среди покоренных народов самых красивых мальчиков и кастрировали их, а других хоронили заживо. Возможно, Геродот преувеличивал ужасы или даже сочинял некоторые, но в его эпоху жестокость была привычной и обычно проходила незамеченной, подобно тому как в иные эпохи гладиаторы бились насмерть, христиан бросали на растерзание голодным львам и т. д.

Перечисление различий между прошлым и настоящим можно не продолжать. Тем не менее сходство с нашим временем поразительно, потому что человеческие страсти и мотивации за тысячу лет не слишком изменились. Знание об античных временах позволяет нам понять свое время. «...Ничто не велико или мало, иначе как в сравнении» [1], – пишет Джонатан Свифт. В его «Путешествии Гулливера» гиганты Бробдингнега дают возможность Гулливеру видеть гораздо дальше тщеславия его собственной цивилизации, а обитатели Лилипутии – карикатура на современного человека – «видеть с большой точностью, но не с большого расстояния» [2].

Если послушать общественный дискурс в Америке, можно подумать, что нравственность – исключительно иудеохристианское изобретение. Но это была ведущая тема язычника Плутарха в его жизнеописаниях великих людей [3]. Сопоставляя Алкивиада, греческого политика, с Кориоланом, римским полководцем, Плутарх отмечает, что сохранять власть «террором, насилием и притеснениями не только постыдно, но и несправедливо» [4]. Сенека выступает против правителей, демонстрирующих гнев, потому что многие известные ему государства не обладали вовсе или обладали слабыми институтами, неспособными обуздать своих правителей, – точно так же как некоторые страны современного развивающегося мира [5].

А когда Цицерон в I в. до н. э. говорил, что «основы человеческого сообщества» находятся под угрозой из-за того, что к иноземцам относятся хуже, чем к римлянам, он уже закладывал базис международного сообщества [6]. Времена изменились меньше, чем нам кажется.

Мало кто из авторов был более озабочен нравственностью и влиянием, которое оказывает отдельная личность на ход событий, чем Ливий, историк начала и середины Римской республики. И мало какие работы лучше демонстрируют поразительное сходство между древним миром и недавно скончавшимся XX в., чем «Война с Ганнибалом» Ливия – поучительная история со многими параллелями со Второй мировой войной, которая, кажется, предупреждает об опасности высокомерия нашей собственной эпохи [7].

Как и предыдущие поколения, беби-бумеры² верят в свою исключительность, в то, что их время уникально, а они мудрее и просвещеннее своих предшественников. Ливий выступает против этого извечного эгоизма и демонстрирует, насколько он был распространен, когда карфагенский полководец не смог убедить соотечественников, что их везение не может длиться вечно. Ливий с усмешкой замечает, что «для человеческой природы характерно во времена ликования отказываться прислушиваться к аргументам, которые омрачат их праздник» [8].

Ливий (Тит Ливий) родился в Патавии (Падуе) в 59 г. до н. э. и умер в Риме в 17 г. н. э. Половину своей жизни он посвятил созданию обширной истории Рима в 142 книгах, из которых «Война с Ганнибалом» занимает книги с 21-й по 30-ю [9]. Ливий не принимал участия в политике и, соответственно, не имел в своем распоряжении инсайдерской информации. Он не был тесно связан и с литературным миром своего времени, когда творили такие поэты, как Гораций и Вергилий. В отличие от них он скептически относился к процветанию своей эпохи, считая ее декадентские настроения признаком начала падения Рима. В то время когда Гораций сочинял триумфалистские пророчества о всемирном владычестве, а Вергилий периодически подлизывался к Августу, Ливий замечал опасности, которые нависали над горизонтом и которые его сограждане-римляне предпочитали игнорировать [10]. Ливий, типичный аутсайдер, читается до сих пор благодаря его выразительным описаниям людей и событий и захватывающей проницательности в том, что касается человеческой природы.

«Война с Ганнибалом» дает представление об античном понимании патриотизма: гордость за страну, ее знамена и символы, ее легендарное прошлое. Читая Ливия, постигаешь, почему вывешивание флага в День памяти павших или Четвертого июля – похвальный поступок и почему национальная гордость – необходимое условие международной политики Черчилля.

Книги Ливия являют собой канонические символы патриотической добродетели и исключительного самопожертвования. Луций Юний Брут, римский полководец конца VI в. до н. э., победивший этрусских царей, руководит казнью своих сыновей, виновных в измене. Гай Муций Сцевола, еще один римский полководец, кладет руку на горящий алтарь, показывая этрускам, что готов вынести любую боль, чтобы победить их [11]. У Ливия есть и знаменитое описание Луция Квинция Цинцинната, которого в 458 г. до н. э. «призвали от сохи» возглавить подкрепление для спасения окруженной римской армии [12]. Цинциннат стал избранным диктатором благодаря своим качествам, но, как только военная опасность миновала, отказался от должности. По свидетельству Ливия, когда Цинциннат облачился в тогу и пересек Тибр, покидая свое поместье, он символически принес в жертву благополучие своей семьи ради блага республики, поставив под угрозу свое благосостояние во имя страны [13]. Его возвращение к сельскому хозяйству непосредственно после победы показывает, что власть для него менее важна, чем благополучие собственной семьи, поскольку стране опасность больше не угрожает. Не важно, насколько Ливий приукрасил эту историю, мы можем отождествить его ценности со своими. Подобно Алексису де Токвиллю, он понимает, что здоровая республика возникает благодаря сильным гражданским и семейным узам.

² Беби-бумеры – поколение, родившееся в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в период беби-бума – послевоенного подъема рождаемости.

Фактические ошибки Ливия и его романтический взгляд на Римскую республику не должны ставить под сомнение его более важные истины. Неоднократно говорилось, что классиков читают не ради фактических деталей, а потому, что они помогают нам понять наше собственное время. Нужно прочувствовать заново то очарование, которое классики оказывали на школьников XIX столетия, таких как Черчилль, которые читали их не ради критики и поиска фактических ошибок, а для вдохновения, и получали его.

На самом деле вера Ливия в римское благородство менее романтична, чем кажется. Она основана на серьезных достижениях конституционного правления: вне зависимости от военных тягот проводились ежегодные выборы и переписи населения, организовывался набор в армию, и требования об освобождении от воинской повинности подвергались справедливому разбирательству [14].

Первая Пуническая война началась с мелкой ссоры между римскими и греческими колонистами в Сиракузах, которая благодаря запутанным альянсам спровоцировала конфликт между Римом и Карфагеном, захвативший всю Сицилию. Конфликт закончился поражением Карфагена. Рим наложил на него непосильную и унижительную контрибуцию. Как в Европе XX в., это привело ко второму конфликту. «Война с Ганнибалом» – это история Второй Пунической войны, которая длилась без перерывов семнадцать лет в Европе и Северной Африке вплоть до 202 г. до н. э. Это был ряд крупных сражений, которые ввергли в разруху и разорение большую часть средиземноморского региона. Победа Рима во Второй Пунической войне, как и победа Америки во Второй мировой войне, превратила его в мировую державу.

Ливий начинает повествование, называя Вторую Пуническую войну «самой великой войной, которую помнит мир» [15]. И это трудно назвать преувеличением. Сражения охватили территории, которые Запад называет «познанным миром».

Ливия обвиняли в романтизации Ганнибала, карфагенского полководца. Но тот, кто читает его впервые, может заметить нечто еще: Ганнибал Ливия с его нигилистической жадностью насилия и борьбы наделен чертами Гитлера дотехнологической эры. Ганнибал жесток даже по меркам своего времени: он конфискует земли и сжигает детей заживо безо всяких причин, кроме самого факта завоевания. Ганнибал – ложный героический лидер. Он требует непрекращающейся войны для легитимизации своей власти и удовлетворения своего инстинкта разрушения [16]. Как и Гитлер, он ожесточен навязанным и несправедливым миром, которым завершилась предыдущая война. Увы, Ганнибал возлагает вину за поражение не на себя, а на народ, считая карфагенян недостойными своего правителя.

Ганнибал воспользовался преимуществом нападения на противника, морально истощенного предыдущей войной. И как наш [американский] конгресс, остававшийся бездейственным, пока Гитлер нарушал Версальский договор, занимал Рейнскую область и напал на Польшу, римский сенат с огромным трудом решался реагировать на угрозу Ганнибала – уже после того, как тот нарушил договор, заключенный после Первой Пунической войны, и захватил римские территории в Испании [17]. «Римляне отвернулись, а затем предприняли действия, неадекватные целям», – пишет профессор Йельского университета Дональд Каган, сравнивая истоки Второй Пунической и Второй мировой войны [18]. Стремление к умиротворению было живо в римском сенате: аристократы рузвельтовского толка предупреждали об опасности, которую представляет собой Ганнибал, а провинциалы-изоляционисты противились всяческим действиям. После того как Ганнибал, пройдя маршем по Испании и перевалив через итальянские Альпы, двинулся непосредственно на Рим, популистский и изоляционистский трибун Квинт Бебий Геренний говорил в сенате, что только знать много лет искала войны. К тому времени, когда сенат понял, что надо действовать, единственным выходом уже была тотальная война.

В 216 г. до н. э., когда «почти вся Италия была захвачена» и десятки тысяч римских солдат погибли в битве с Ганнибалом при Каннах на юго-востоке Италии, ситуация в Риме напоминала Англию после Дюнкерка и накануне битвы за Британию [19]. «История не знала примеров того, с чем предстояло столкнуться Риму», – пишет Ливий, предвещая слова Черчилля [20]. Подобно Англии Черчилля, Рим отказался вести переговоры о мире и решил дать бой.

Римская ограниченная демократия в коротких временных пределах была недостатком. По конституции военное руководство осуществлялось двумя избираемыми на год полководцами, что часто приводило к некомпетентному командованию [21]. Более того, Римское государство не всегда могло заставить население сделать то, что было необходимо для разгрома Ганнибала. По всей Италии часто вспыхивали ожесточенные раздоры между властями и страдающими поселениями. Однако либеральное отношение Рима к этим же самым подвластным ему поселениям – нечто новое в истории Средиземноморья – в конечном итоге удерживало их от восстаний [22]. В длительной перспективе именно демократия, пусть и бледная тень нашей, превратила Рим в государство, каким никогда не суждено было стать Карфагену. Ливий, цитируя римского консула Варрона, говорит, что на стороне Карфагена воевала «варварская солдатня», потому что они «ничего не знали о цивилизации под властью закона» [23].

Армия Карфагена состояла из наемников, говорящих на разных языках, и Ганнибал мог общаться с ними лишь через переводчиков. Отсутствие общей цели способствовало поражению Карфагена. Любопытно, что постоянные внутренние дебаты придавали Риму скрытую стабильность. Этот вывод предшествует предположению Макиавелли о том, что успешному государству требуется умеренная степень волнений, чтобы стимулировать здоровую политическую динамику.

Война Рима с Ганнибалом сделала необходимым появление эквивалента американского института президентства с широкими исполнительными полномочиями периода Второй мировой войны и холодной войны. Римский сенат – престижная олигархия – правил как верховный военный совет, в то время как власть избираемых органов таяла [24].

Сенат вовремя разглядел угрозу Карфагена, однако действовал осторожно – до тех пор, пока римское население, весьма пассивно реагировавшее на победы Ганнибала в Испании, не потребовало отмщения. Ливий говорит, что «мудрая тактика выжидания» консула Квинта Фабия Максима переломила «ужасающую череду поражений Рима» и заставила Ганнибала опасаться, что Рим наконец выбрал способного военачальника. Но в самом Риме действия Фабия не встречали «ничего, кроме презрения» [25]. Ливий, цитируя Фабия, говорит: «Не обращай внимания, если твою осторожность назовут робостью, твою мудрость – медлительностью, твое командование – слабым; пусть лучше мудрый враг опасается тебя, чем глупые друзья хвалят» [26]. Таким образом Ливий напоминает нам, что общественное мнение – громкие суждения окружающих – часто оказывается ошибочным.

Реален ли Ганнибал Ливия? Даже очернители Ливия признают, что он обладал необыкновенным ощущением личностей и их влияния на события. Ливий, возможно, несколько романтический популяризатор, но его взгляды демонстрируют, как римляне эпохи Августа относились к своему прошлому и своим врагам. Действительно, если бы не Ливий (и не Цицерон), сомнительно, что республиканизм как идеал мог выжить в Риме, хотя на практике он и не был восстановлен.

Разница между Римом во времена Ливия и Римом периода Второй Пунической войны, составляющая более двух веков, примерно напоминает разницу между Америкой периода холодной войны и периода Второй мировой войны. Ливий стал свидетелем упадка мелких сельских хозяйств, перемещения населения в города и пригороды, возникновения плутократии в более сложном и зажиточном обществе и выступлений против повышения налогов и

военной службы, а Рим периода Второй Пунической войны был временем патриотизма и относительного единства перед лицом великого врага.

В повествовании Ливия смешаны гордость и ностальгия, что очень напоминает наши современные книги, восхваляющие поколение Второй мировой войны. Когда он описывает, как римские посланники прибывали на форум, чтобы объявить радостным, не скрывающим слез горожанам о разгроме карфагенской армии у города Сена на северо-востоке Италии и гибели карфагенского полководца Гасдрубала, время сжимается, и легко представить другие толпы, собиравшиеся на улицах, чтобы послушать новости о победе над Германией и Японией.

Ливий показывает, что мужество, которое требуется, чтобы дать отпор нашим противникам, в конечном итоге должно опираться на гордость за наше прошлое и наши достижения. Необходимо романтизировать прошлое, а не стыдиться его.

Ливий дает и другие уроки. Когда после военного поражения Рим делает выбор в пользу диктатора, Ливий объясняет это тем, что «больное тело более чувствительно к малейшей боли, чем здоровое», и страна, оказавшаяся в отчаянном положении, склонится к экстремальному решению даже после незначительного отката назад [27]. Иллюстрация этой истины – выбор Перу квазидиктатора Альберто Фухимори в 1990-х гг. или более близкие случаи – генерал Уго Чавес в Венесуэле или генерал Первез Мушарраф в Пакистане. Когда Карфаген нарушает пакт о ненападении с Римом, Ливий отмечает, что «вопросы права» обычно бессмысленны, если они не отражают реальный баланс сил [28]. Спустя девятнадцать веков о том же говорит французский гуманист Раймон Арон:

Люди понимают, что в отдаленной перспективе международное право должно будет признать факт. Территориальный статус неизменно легализуется, если он сохраняется. Великая держава, которая не хочет допустить, чтобы соперник совершал завоевания, должна вооружаться, а не объявлять заранее о моральном осуждении [29].

Сцены устрашающей бойни – люди, спящие на трупах, полностью уничтоженные поселения, сражения такой интенсивности, что незамеченными проходят землетрясения, – в ярких подробностях демонстрируют, что ужасы войны остаются прежними [30]. Почитав Ливия, можно представить, что через несколько сотен лет Вьетнам будет вспоминаться как непонятный пограничный конфликт на окраине американской империи времен холодной войны, который на время внес разлад между правящей элитой и широкими слоями общества. Или Вьетнам будет вспоминаться как очередные Сиракузы, богатый сицилийский город, который афиняне пытались покорить во время Пелопоннесской войны в экспедиции, закончившейся неудачей, потому что – как и в случае с нашей вьетнамской политикой в начале 1960-х гг. – неразумные лидеры попытались захватить слишком много и слишком далеко.

Вторая Пуническая война и Вторая мировая война – эпизоды величественной драмы с огромными ставками, сюжет которой никогда нельзя предсказать заранее и который мы в состоянии полностью изменить, если будем верить в себя так, как Рим, бросивший вызов Ганнибалу. Хотя история Ливия может преуменьшать уникальность наших собственных сражений, она также показывает, насколько героическими могут выглядеть наши битвы через тысячелетие, когда будущие поколения будут восхищаться нашими победами над фашизмом и коммунизмом так же, как Ливий восхищает нас историей победы Рима над Карфагеном. Именно так видел античное прошлое Черчилль, и таким же образом должны мыслить наши лидеры.

Глава 4

Сунь-цзы и Фукидид

По словам прусского генерала Карла фон Клаузевица, международный кризис, подобно войне, «область неопределенности... скрытая в тумане большей или меньшей неопределенности». И в этом тумане неопределенности требуется обширный интеллект, «чтобы выяснить истину с помощью инстинктивных суждений» [1].

Внешняя политика – полная противоположность всеобъемлющему знанию. Даже при наличии лучших шпионов, специалистов по региону и спутникового наблюдения остается существенная темная зона, образованная не только отсутствием информации, но и ее избытком, что в результате приводит к путанице и неразберихе. Инстинктивное суждение имеет жизненно важное значение. Президент или вождь могут быть интеллектуально слабы, но при этом демонстрировать здравые суждения. Макиавелли, перефразируя Цицерона, объясняет, что рядовой человек, который ценит свободу, часто способен распознать истину [2]. Таким человеком был Рональд Рейган [3]. Рейган, подобно Гарри Трумэну, был гораздо более начитан, чем многие думают (Трумэн брал с собой в поездки Плутарха), но обоим не хватало интеллектуальных притязаний и научной подготовки, и политические элиты относились к ним с пренебрежением.

Государственный секретарь или министр иностранных дел должны преобразовать президентские импульсы в сложное представление. Это требует интеллектуальной выдержанности, чему очень способствует литература, поскольку к личному опыту добавляет проницательность лучших умов. Например, Клаузевиц, образец сведений о войне и стратегии для читателей XIX и XX вв., с головой погружался в романтические пьесы и поэзию Фридриха фон Шиллера и нравственную философию Иммануила Канта [4].

Если литература – молчаливый ресурс для государственных деятелей, то нет литературы, более соответствующей нашим целям, чем античные классики, писавшие о войне и политике, которые обеспечивают эмоциональную отстраненность от современности, что особенно важно в эпоху медиа, когда слишком многие из нас становятся заложниками момента, одержимыми новейшими событиями или опросами общественного мнения до такой степени, что прошлое с его уроками, кажется, перестает существовать.

Чем сильнее пренебрежение историей, тем больше заблуждений относительно будущего. Надежды на то, что обширная многонациональная Россия, слабо испытывавшая на себе влияние Просвещения, совершит благополучный переход к демократии, сопоставимый с тем, что произошел в маленькой мононациональной Польше, пропитанной традициями Центральной Европы, продемонстрировали пренебрежение историей и географией России; призыв к быстрому переходу к демократии в Китае не учитывает насилия и волнений, которые

возникали, когда рушились предыдущие китайские династии, а также неустойчивое состояние демократии в местах со слабыми государственными институтами, с небольшим или отсутствующим средним классом и этническими разногласиями.

Классика помогает противостоять этой исторической амнезии. Макиавелли пишет:

Желающий узнать, что будет, должен учитывать то, что было. Все, что происходит в этом мире в каждую эпоху, уже происходило в древности... поскольку эти действия совершались людьми, испытывающими и всегда испытывавшими одни и те же страсти, которые неизбежно должны приводить к одинаковым результатам [5].

Конфуций выражается проще:

Испытывая любовь к правде, я восхищаюсь древностью [6].

Читать выдающихся мыслителей языческой древности – значит находить необычные связи, точность анализа и единодушие взглядов, выраженных разными способами. Политическая философия имеет четкое преимущество, поскольку просчеты в Античности могут привести к болезненным результатам. Это справедливо не только в отношении мудрецов Древней Греции и Древнего Рима, но и Древнего Китая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.